

7. ГАСО. Ф. Р-1813. Оп.1.
8. Жиромская В.Б. *Новые подходы к изучению истории российского населения XX в. // Новые направления и результаты международных исследований по русистике. Будапешт, 2005. С. 176–184.*
9. Исупов В.А. *Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.*
10. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 1. Оп. 1.
11. НТГИА. Ф. 20. Оп. 1.
12. НТГИА. Ф. 208. Оп. 1.
13. НТГИА. Ф. 220. Оп. 1.
14. НТГИА. Ф. 502. Оп. 1.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31.
16. ЦДООСО. Ф.4. Оп. 33.
17. ЦДООСО. Ф. 56. Оп. 1.
18. ЦДООСО. Ф. 62. Оп. 1.

Баранов Е.Ю.

Демографическое развитие России и регионов в 1930-е гг.: проблемы современной отечественной историографии и исторических источников *

Изучение проблем демографического развития России и ее регионов имеет достаточно обширную историографическую традицию. Исследование проблем демографического развития СССР, как и многих тем по истории советской эпохи, достаточно четко и традиционно для отечественной историографии разделяется на два этапа. Первый характеризуется господством марксистско-ленинской идеологии, когда исключительно под идеологическим давлением формировались принципы изучения и трактовки проблем народонаселения. Второй этап, начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг., отличается деидеологизацией истории как науки, отмечается поиском новых методологических подходов, расширением исследовательской проблематики.

Первый этап историографии почти каждой исторической темы традиционно начинают с анализа трудов современников изучаемого исторического объекта (в нашем случае это различные аспекты проблематики демографического развития СССР), и представлен этот этап должен быть работами демографов, экономистов и статистиков населения. Но в 1930-е гг. в отечественной демографической науке наступило затишье, большая часть статистической информации о населении перешла в разряд секретной, что было вызвано нежеланием высшего партийно-государственного руководства публично признавать негативные процессы в демографической сфере, которые, в свою очередь, были обусловлены политическими решениями и действиями властных структур. Только в некоторых справочных изданиях можно встретить отдельные опубликованные достаточно обобщенные

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00326-а.

данные о населении, которые следует подвергать научной верификации и критике. Своеобразный прорыв в демографической науке наступил в конце 1950-х – 1970-е гг. Введение в научный оборот статистических материалов позволило ученым-демографам существенно уточнить бытовавшие в литературе представления о демографическом развитии страны. Работы Б.Ц. Урланиса по динамике населения в СССР до сегодняшнего дня остаются одними из основополагающих [40], что признается отечественными и зарубежными учеными.

В 1970–1980-е гг. в советском общественном сознании появилась концепция демографического развития, которая при анализе исторической эволюции воспроизводства населения, в сущности, основывалась на нескольких иных посылах, нежели господствовавшая в тот период формационная парадигма. А.Г. Вишневский предложил для объяснения количественных и качественных изменений в современном демографическом поведении, его мотивации использовать теорию демографической революции, появившуюся в зарубежной соционаучной литературе в первой половине XX в. [8]. В последних работах А.Г. Вишневский пишет о переходе к современному типу воспроизводства населения в России в XX в. как о демографической модернизации [15].

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. в отечественной историографии начинают разрабатываться до этого совершенно закрытые темы. Ученые, журналисты, публицисты, общественные деятели стали устранять белые пятна истории. Одним из объектов их пристального внимания стала социально-демографическая сфера 1930-х гг., периода активной социально-экономической трансформации, обусловленной форсированной индустриализацией, сплошной коллективизацией и раскулачиванием, репрессиями и принудительными переселениями. Из всех обществоведов ученые более осмысленно подошли к изучению данных процессов, они понимали необходимость и закономерность обращения в ходе исследовательской работы к эмпирическому материалу, причем не только к воспоминаниям, как это делала большая часть журналистов и публицистов, но и к архивным материалам. В качестве инициаторов научно-исторической разработки демографических проблем, основанных на ранее недоступных источниках, выступили Ю.А. Поляков, В.Н. Земсков, В.В. Цаплин, В.Б. Жиромская, Е.А. Осокина, В.А. Исупов, А.Г. Волков и др. [9, 17, 19, 22, 26, 36, 38, 41]. Сначала исследователи обратились к изучению истории организации и проведения всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. [17, 27]. В ходе изучения ранее недоступных материалов переписи 1937 г. последняя была «реабилитирована», а степень фальсификации переписи 1939 г. была признана статистически незначительной. Общие итоги обеих переписей были впервые опубликованы [10, 11, 12]. И первоначально большая часть исследований демографических процессов и структур в 1930-е гг. и общероссийского, и регионального уровней строилась на основе сопоставления и анализа данных всеобщих переписей 1926, 1937, 1939 гг. [16, 18, 30]. Конечно, и сегодня опубликованные и архивные материалы всеобщих переписей населения сохраняют свое значение в качестве обязательного и отправного исторического источника для любого историко-демографического исследования.

На современном этапе историографии проблемы принципиально важное значение имеют исследования факторов демографического разви-

тия России и СССР, влияния государственной политики на население, его естественное и миграционное движение. До конца 1980-х гг. в советской историко-демографической науке оставалась запретной для исследования тема «потерь населения СССР в XX в.». Историки и демографы доказали, что в первой половине XX столетия в России, затем СССР произошло три демографических потрясения, которые по своим масштабам и последствиям превосходили демографические кризисы XIX в. Высокий рост смертности позволил ряду ученых говорить, что это были демографические катастрофы [25]. Вторая демографическая катастрофа произошла в начале 1930-х гг. Ученые сошлись во мнении, что основными факторами и причинами этой катастрофы стали субъективно-политические обстоятельства, и в целом она была обусловлена «сталинским политическим курсом». Но до сегодняшнего дня продолжается полемика по вопросам масштабов катаклизма, оценкам потерь населения вследствие него, иерархии факторов и причин потерь населения.

В рамках этой научной полемики одной из самых дебатированных является тема голода 1932–1933 гг., который стал пиком демографической катастрофы начала 1930-х гг., и именно голод совместно с сопутствовавшими ему эпидемиями обусловил в 1933 г. высокую смертность. За последние два десятилетия появились работы о голоде начала 1930-х гг. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, В.В. Кондрашина, Д. Пеннер, Е.Н. Осколкова и других историков, которые считают, что голод наступил вследствие субъективно-политических факторов и причин [13, 14, 20, 24, 28, 29]. Ведущий отечественный специалист по голоду начала 1930-х гг. В.В. Кондрашин считает, что голод, будучи политически обусловленным, стал следствием «индустриальной модернизации». Сегодня российские и зарубежные ученые продолжают изучение темы голода, в том числе в региональном аспекте, и одновременно они дискутируют по вопросам территориальных и временных границ и проявлений голода, оценок потерь населения вследствие этого социального бедствия. Следует также отметить, что голод начала 1930-х гг. в современном мировом информационном пространстве стал объектом политических спекуляций со стороны властных структур ряда зарубежных стран, ученые же стремятся придерживаться объективного подхода, аргументируют свои точки зрения на основе анализа достаточно обширных комплексов исторических источников.

Одной из социально значимых и в то же время дискуссионных тем современной историографии остается тема репрессий 1930-х гг. Цели репрессивной политики, ее последствия для населения (в том числе потери населения), масштабы, периодизация и социальное и экономическое значение репрессий, а также сопротивление личности «несвободе», – это основные вопросы, интересующие ученых. Существенное внимание исследователи уделяют проблемам принудительных миграций и «спецпоселенчества», учитывая социальный, демографический, этнический и географический аспекты темы. Значительный вклад в разработку этого исследовательского направления внесли В.Н. Земсков, П.М. Полян, Н.Ф. Бугай, С.А. Красильников [5, 6, 21, 23, 31, 39].

На современном этапе историографии появился целый ряд обобщающих работ по демографической истории России и СССР, в которых нашла освещение проблема демографических потерь в 1930-е гг., как вследствие

демографической катастрофы в начале четвертого десятилетия, так и вследствие репрессивной политики в его второй половине [1, 2, 34].

В советской и российской историографии, в сущности, сформировались различные концептуальные подходы к изучению и интерпретации демографического развития в СССР. «Догматический» подход абсолютно доминировал в советской литературе до середины 1980-х гг., утверждалось, что политика партии и государства соответствовала целям и задачам построения социализма в СССР, имела верный и реалистический характер, приводила к росту благосостояния и соответственно численности населения, имевшаяся информация о негативных тенденциях в демографическом развитии объявлялась недействительной, как это произошло с переписью 1937 г., а соответствующие документы переходили в разряд секретных. Современная концепция («демократическая») появилась в условиях критики социалистических идей, стала преобладающей в исторической литературе после 1991 г. Историки исходят из того, что государственная политика базировалась на идеях тотального директивного планирования и огосударствления. Причины демографических кризисов и катастроф видятся в ошибочности исходных программных установок ВКП(б), приведших в ходе их реализации к насилию над населением, репрессиям, раскрестьяниванию и большим жертвам среди населения.

В исследовательском поле уральских ученых долгое время находились отдельные аспекты демографической истории региона, в том числе взаимодействие социально-экономических и демографических процессов, динамика численности населения и демографическая структура по данным всесоюзных переписей. Первой и единственной на сегодняшний день попыткой обобщающего научного труда по демографической истории Уральского региона стала книга «Население Урала. XX век. История демографического развития», подготовленная в Институте истории и археологии УрО РАН [35]. В ней обозначены основные исторические тенденции демографических процессов и демографических структур в регионе. Но за прошедшие с момента выхода книги почти полтора десятка лет историографическая ситуация изменилась, появились новые региональные исследования, основанные на анализе обширных источниковых комплексов с широким привлечением архивных материалов. Так, в кандидатской диссертации О.В. Павловой охарактеризованы основные направления миграционных потоков на Урале в 1920–1930-е гг. [37]. Анализ факторов и масштабов демографической катастрофы в начале 1930-х гг. в региональном аспекте, а также оценка влияния аграрного и продовольственного развития на демографическую ситуацию на Урале нашли отражение в работах Е.Ю. Баранова [4]. Л.Н. Мазур в рамках междисциплинарного исследования, находящегося на стыке исторической географии, исторической демографии и исторической информатики, предприняла динамический анализ сельской поселенческой структуры Среднего Урала в XX в. [32]. В исследованиях Н.А. Михалева выявлены общие тенденции формирования и развития населения Ямала (территории Урало-Сибирского Севера) в первой половине XX в. В работах историка проанализированы масштабы принудительных миграций на территорию этого региона, роль «кулацкой ссылки» в первой половине 1930-х гг. в формировании его населения [33]. В научный оборот постоянно вовлекаются новые пласты исторических источников по демографическому развитию Урала и сопредельных

территорий. Поэтому все более важной становится задача подготовки нового фундаментального труда по демографической истории региона, обобщающего исторический опыт демографического развития Урала не только за XX, но и, возможно, за XIX в. с учетом достижений новейшей региональной историографии. И, что закономерно, существенное внимание в этой работе должно быть уделено анализу демографического развития региона в 1930-е гг., когда, как показывают последние исследования, произошли как количественные, так и качественные изменения в демографическом поведении и демографическом составе уральцев, обусловленные прежде всего, социально-экономическими и социально-политическими процессами.

Подводя итоги по оценке состояния историографии, следует отметить, что в поле зрения исследователей попадали в основном проблемы динамики численности населения, рождаемости, смертности, то есть непосредственных индикаторов общественного благосостояния, реже – миграционное движение населения, демографические (половозрастная, этническая, семейная) структуры. Практически вне поля зрения ученых остаются матримонимальное и санитарное поведение, проблема демографического сознания. В последнее время активизировался интерес историков-демографов к проблемам семейного состава населения, появились фундаментальные исторические исследования городской и сельской семьи, выполненные на общероссийском уровне [3, 7], что стимулирует проведение аналогичных работ на региональном уровне.

Итак, дальнейшее изучение темы демографического развития в общероссийском и региональном аспектах остается актуальной задачей. Это относится и к изучению демографического развития Уральского региона в столь насыщенный социальными преобразованиями и катаклизмами период 1930-х гг. При этом речь идет как об уточнении частностей и возможности пересмотра отдельных теоретических положений, так и о попытке переосмысления с обновленных методологических позиций проблем демографического развития, выявлении и анализе специфики региональной демографической трансформации, чему может способствовать системный анализ и математические методы исторических исследований. Исследования актуально, а его результаты имеют значение и с точки зрения достаточно стремительного развития в отечественной и зарубежной исторической науке таких направлений, как клиометрия и историческая информатика.

Историческая интерпретация демографического развития России и ее регионов в 1930-е гг. требует проведения анализа и сопоставления эволюционной и кризисной динамики. На современном этапе историографии всеобщие переписи 1926, 1937 и 1939 гг. стали своеобразным мерилем демографического развития 1930-х гг. Статистические данные всеобщих переписей позволяют выявить общие тенденции демографического развития, количественные и качественные изменения в народонаселении, произошедшие в течение межпереписного периода. Также историки используют в качестве источника сводные аналитические статические таблицы динамики численности населения, демографических событий и процессов за определенный временной период, которые составлялись в справочных, отчетных целях центральными и местными статистическими органами и которые исследователи выявляют в федеральных, региональных и муниципальных архивах. Исследователи используют

демографо-статистические сводки, оформленные в виде статистических таблиц и встречающиеся в делопроизводственной документации органов партийно-государственной системы власти и силовых структур. В меньшей степени историки обращаются к такому источнику, как текущий учет демографических событий, отложившийся в архивах загсов. Например, В.В. Кондрашин при изучении демографических последствий голода 1932–1933 гг. в Поволжье проанализировал документы областных и районных загсов [28]. К сожалению, не во всех регионах документальные материалы подобного рода сохранились. Демографическая статистика, по большей части неопубликованная, дает возможность рассмотреть влияние социально-экономической трансформации 1930-х гг. на демографическое поведение, проследить потери населения российских регионов вследствие социальных бедствий, прежде всего голода и эпидемий. На наш взгляд, следует обратить особое внимание на такой источник статистической информации о населении, как таблицы естественного и механического движения населения. Обращение к этим таблицам позволит рассмотреть динамические изменения демографического состояния региона, выявить влияние негативных социальных факторов на воспроизводство населения и его территориальные перемещения.

Специфика изменения административно-территориального деления Урала в 1920–1930-е гг. обуславливает определенные трудности для проведения динамического анализа демографических показателей. С ноября 1923 г. по январь 1934 г. существовало такое административно-территориальное образование, как Уральская область. Она включала территории современных Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, а также частично территории Башкортостана и Удмуртии. Ликвидация в январе 1934 г. Уральской области и выделение из ее состава Обь-Иртышской, Свердловской и Челябинской областей нарушили ежегодную отчетность о движении населения. Так, в региональных государственных архивах (в частности, в Екатеринбурге) отсутствуют таблицы за 1934 г. В декабре 1934 г. территории Обь-Иртышской области, включавшие бывшие Тобольский и Тюменский округа, вошли в состав Омской области. В 1938 г. из состава Свердловской области была образована Пермская область, которая в 1940 г. была переименована в Молотовскую область.

Сводные статистические таблицы движения населения отложились в архивных фондах региональных статистических управлений. Архивные комплексы статистических таблиц движения населения имеют различные заголовки. С 1924 до 1931 г. они обозначались как «Таблицы годовой разработки естественного движения населения», затем до 1934 г. (т.е. до ликвидации Уральской области) – «Годовой отчет (или годовая отчетность) по естественному движению населения». После ликвидации Уральской области это были «Таблицы естественного движения населения» (1935, 1937–1939 гг.) или «Сводные итоги естественного движения населения» (1936 г.). Но сущность и основное содержание этих комплексов статистической документации оставались традиционными. Они представляли совокупность таблиц, содержащих сводную отчетную статическую информацию о воспроизводстве населения за год. Наряду с годичными таблицами, составлялись полугодовые и месячные сводки. Источниками данных, видимо, стали сведения загсов. С 1932 г. в этот комплекс таблиц движения населения стали включать и раз-

рабочные таблицы (годовые, иногда месячные) и итоговые сводки механического движения населения.

В итоговых годовых таблицах по области сведения приводились по административно-территориальным единицам (после ликвидации окружной системы на Урале в 1930 г. – по районам), внутри которых выделялись отдельными строками данные по городам и прочим городским поселениям, итоги по городскому и сельскому населению и всего по административно-территориальной единице. В течение рассматриваемого периода менялись номера табличных форм, их последовательность, но в целом таблицы движения населения были направлены на статистическое описание рождений, смертей, браков и разводов, прибывших в регион и ушедших из региона людей, фиксировавшихся по определенным признакам. В 1930 г. в «общих сведениях о естественном движении населения» стали приводиться данные по численности населения, среднему населению, что дает возможность вычислять общие демографические коэффициенты. С 1931 г. в итоговые таблицы включались относительные показатели: число родившихся в расчете на 1000 чел., число умерших в расчете на 1000 чел., естественный прирост в расчете на 1000 чел. Также появился показатель «на 1000 родившихся умерло в возрасте до 1 г.».

Кроме общих итоговых таблиц по движению населения, в рассматриваемых сводных комплексах годичной документации представлены отдельные таблицы статистики рождений, смертей, браков, разводов, причин смертности. Следует отметить, что в годовых разработках движения населения часто содержатся два (иногда даже три) варианта одной таблицы. Один из них служил черновиком, так как видны коррективы, которые вносились в статистические данные, а второй, соответственно, является чистовым вариантом. К сожалению, не все таблицы сохранились в архивах. Это обстоятельство, а также частое модифицирование форм таблиц и изменение административно-территориального деления на Урале обуславливают трудности динамического анализа всей совокупности демографических показателей. Хотя его проведение остается актуальным.

Итак, ценными источниками статистической информации о населении, наряду с всеобщими переписями населения, различными статистическими сводками справочного, учетного, отчетного характера, данными текущего учета населения являются таблицы движения населения, содержащие данные о воспроизводстве населения, его репродуктивном, матримониальном, санитарном поведении (с учетом половозрастного, этнического, территориального компонентов), а также его территориальных перемещениях. По межпереписному периоду данные этих таблиц являются необходимыми для оценки влияния социально-экономического развития на демографические процессы. Статистические данные таблиц позволяют проанализировать количественные и качественные параметры демографической трансформации 1930-х гг. В целом анализ полного комплекса статистической документации позволяет показать исторически достоверные тенденции демографического развития, выявить его региональную специфику.

Таким образом, прошло почти два десятилетия постсоветской или новейшей российской историографии, с ее периодизацией, интерпретацией основных периодов историкам еще предстоит определиться. За эти два десятилетия появились обширные комплексы исторических исследований по

проблемам населения, которые раскрывают различные аспекты его воспроизводства и миграционного движения. Поэтому в нынешних условиях актуальным является вопрос расширения научного поиска и более тщательной научно-исторической разработки и концептуального осмысления демографического развития России и ее регионов на основе анализа ранее мало или совсем не изученных источниковых комплексов, оптимизируя при этом верификацию содержащихся в них сведений и методики их анализа. Также актуализируется и вопрос подготовки историографической работы по обозначенной проблеме, где было бы агрегировано и проанализировано современное состояние исследований демографической истории, обобщены основные направления исследований, систематизированы выводы ученых, подведены итоги их деятельности, что также преследует цель выявления неизученных аспектов демографического развития страны на общероссийском и региональном уровнях. И это касается не только демографической истории 1930-х годов, но и XX века в целом.

Список литературы

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. *Демографическая история Российской Федерации. 1927–1959 гг.* М., 1998.
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. *Население Советского Союза. 1922–1991 гг.* М., 1993.
3. Араловец Н.А. *Городская семья в России, 1927–1959 гг.* Тула, 2009.
4. Баранов Е.Ю. *Население Урала в условиях голода начала 1930-х годов: историко-демографическая характеристика // *Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы.* Оренбург, 2010. С. 45–52.*
5. Бугай Н.Ф. *20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // *Отечественная история.* 1992. № 4. С. 37–49.*
6. Бугай Н.Ф. *К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // *История СССР.* 1989. № 6. С. 135–143.*
7. Вербицкая О.М. *Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект).* Москва; Тула, 2009.
8. Вишневский А.Г. *Демографическая революция.* М., 1976.
9. Волков А.Г. *Из истории переписи населения 1937 года // *Вестник статистики.* 1990. № 8. С. 45–56.*
10. *Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги.* М., 1991.
11. *Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов.* М., 2007.
12. *Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги.* М., 1992.
13. Данилов В.П. *Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30–40-х годов в СССР // *Вопросы истории.* 1988. № 3. С. 116–121.*
14. Данилов В.П., Зеленин И.Е. *Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // *Отечественная история.* 2004. № 5. С. 97–111.*
15. *Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского.* М., 2006.
16. Жиромская В.Б. *Всесоюзная перепись населения 1939 г. в историографии: Оценка достоверности // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки.* М., 1996. С. 469–477.*
17. Жиромская В.Б. *Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // *История СССР.* 1990. № 3. С. 84–104.*
18. Жиромская В.Б. *Возвращенные цифры (Всесоюзные переписи населения 30-х годов как исторический источник) // *Россия в XX веке: Историки спорят.* М., 1994. С. 385–396.*

19. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
20. Зеленен И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994. № 6. С. 256–263.
21. Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54–79.
22. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования (СОЦИС). 1991. № 10. С. 3–21.
23. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
24. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: Кто виноват? // Голод 1932–1933 гг. М., 1995. С. 43–65.
25. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
26. Исупов В.А. Демографические последствия голода 1932–1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири. 30–80-е гг. (Исторический опыт и современные проблемы): Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1991. С. 11–19.
27. Исупов В.А. Игра без правил: переписи населения СССР в 30-е годы // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 149–167.
28. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
29. Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона, Кубани). Самара; Пенза, 2002.
30. Корнилов Г.Е. Демографическая структура сельского населения Урала (по данным Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг.) // Социально-демографическое развитие уральского села. Свердловск, 1988. С. 37–44.
31. Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
32. Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
33. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010.
34. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т. М., 2000. Т. 1. 1900–1939.
35. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.
36. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
37. Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
38. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 40–55; № 7. С. 50–70; № 8. С. 30–52.
39. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
40. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.
41. Чаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.